

БОРИС ЛУКИН

ЛЕТОСОВЕРШЕНИЕ

Книга стихов

Борис Лукин – поэт, построивший дом, воспитавший и воспитывающий детей, пишущий критику, переводы, составляющий и издающий много-томные антологии... Но, прежде всего, поэт... И это тайна – когда же поэт пишет свои стихи? Тайна – его жизнь, которую он проживает безраздельно: его дом – это и его семья, его семья – это его поэзия, его поэзия – это его вера...

Дмитрий Ермаков, прозаик
(Вологда)

Светел и гармоничен поэтический мир Бориса Лукина, в нем есть место таким понятиям как «счастье» и «рай», в нем присутствует лёгкий взмах ангельских крыл, дыхание весны и предощущение прекрасного завтра.

Николай Переяслов, поэт (Москва)

Борис Лукин исполняет только свою песню – соло, хотя потенциальные подсказки слов окружают поэта плотным колыцом. Видятся там и Державин, и Александр Сергеевич и др. Но поэту эта добрая гурьба нисколько не мешает оставаться самим собой, именно в ней он чувствует свою целостность. Ведь у него, как я уже сказал – песня своя. И у него есть свой ангел...

Вячеслав Ар-Серги,
Народный писатель Удмуртии

БОРИС ЛУКИН

ЛЕТОСОВЕРШЕНИЕ

Книга стихов

ГБУК РХ "НБ
им. Н.Г. Доможакова"

УДК 82-1

ББК 84(2=411.2)6-5 1184

Лукин Б.И.

ЛЕТОСОВЕРШЕНИЕ: стихи и поэмы. Девятая книга. – Санкт-Петербург, Литературный фонд «Дорога жизни»; Нижний Новгород, «Вертикаль. XXI век»; 2021, с. 164, иллюстрации Л.Н. Нецветаева.

Книга «Летосовершение» поэта Бориса Лукина составлена в основном из произведений, написанных после выхода в свет книги любовной лирики «LeLь» (2013).

Широкий географический охват, разножанровость, яркие краски жизни и тончайшая словесная паутина – всё это присуще стихам Бориса Лукина, лауреата Большой литературной премии России.

Большинство стихотворений печатались в столичной и региональной периодической печати. Книгу иллюстрировал Лев Николаевич Нецветаев.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-85480-019-5

Литературно-художественное издание

ЛУКИН БОРИС ИВАНОВИЧ

ЛЕТОСОВЕРШЕНИЕ

Стихи и поэмы

Девятая книга

Издательский проект

Литературного фонда «Дорога жизни», Санкт-Петербург

Редактор – Полина Рожнова

Корректор – Виктория Денисова

Вёрстка – Андрей Стариченков

Подписано к печати 30.01.2021

Формат 60х84/32. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Тираж 200 экз. Заказ 21 070

Автономная некоммерческая организация

ЛХЖ «Вертикаль. XXI век»

603001, Нижний Новгород, ул. Рождественская, 19

Тел. (831) 433-41-96 E-mail: vertikalXXI@yandex.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Печатная Мастерская Радонеж»

603002, Нижний Новгород, ул. Интернациональная, 100

Тел.: +7 (831) 418-53-23 E-mail: rad.nnov@mail.ru

ЛЕТОСОВЕРШЕНИЕ

Книга стихов

ВЕРТИКАЛЬ. XX ВЕК

2021

СОН ВРЕМЕНИ

Дочке Ульяне

Когда бы монастырь – давно пора
молиться...

Коллекция будильников молчит.

Хозяйка спит ещё.

Чего им снится?

Как стрелочки секундные ресницы
чуть-чуть дрожат.

Страх времени в ночи
нашёптывает сказочки на ушко
минутной стрелке. Милая, поспи.
Куда спешить с тобою нам, подружка?
Твое топтанье – шестерёнок дрызг
и лопотанье...

Ритм дыханьем сбит.

Коллекция будильников, как сон
о времени, скользящем в циферблатах.
Путь к «Славе», здесь одиннадцать
каменей,
назвать бы торным, да такая тьма,
и помнится, что беззаконные, зане
не знают обо что споткнутся.

«Ма-ма!...»

Приснится же такое. «Тик-тик-так...»
И-так, и-шаг... — Какой еще итак?
— Тот, что взбирался утром не спеша
к горы утученной вершине;
там виноград, отборных лоз и баш-
и башня и точило. Не тужите,
нет добрых ягод, дики уродились...

Будильник «тик», «тик-так»...
не дочитал.
Но полно про волцы и камни,
терна лист,
что там повелевал времён считалам
и стрелками, и грузом облаков.
Дождей не будет больше в этом мире...

Страница книги притчей
колобком
всё катится:
три — тридцать три — четыре.
Считаю я.

Будильники, – скорей!
Коллекция времён сейчас очнётся
и вздыбится, стирая след речей.
Рукои времён.
Так сладко сердце бьётся,
храня внутри, что только что обрёл.
Я ухо преклоню –
а в нём как в птице:
полёт и песня.

Песня и полёт.

6 марта 2017 года

ГАННИ БАЛ

Олоэма

Поэма...
что за блажь
творить судьбу словами?
Привычный эпатаж?
Иль узелок на память?

Поэма...
смысл не нов:
земной стремится в небо,
вода — предстать вином,
каменья жизни — хлебом,
чтоб Лета вснять текла,
чтоб жизнь не смертью
мерить...
Потолков память зла,
нет потому ей веры.

Поэма —
пусть сама
дыханьем слова волнит.

Итак: «Была зима...
всяк раб своей юдоли...»

ПСКОВСКИЙ ЧАС
Час первый

*Чего я ждал?
Что думал здесь найти?*
А. Грибоедов

Случайностей в жизни, увы, не бывает.

И всё совершится на нашем веку.

«А кто там – во Пскове?» – «Конечно,

Курбатов.

Но видеться с ним не хочу на бегу».

Мобильные трели: поэт и прозаик
сбирали дорожные сумки свои.

Один непременно опять опоздает,
отметив собой отправления миг.

И выйдут хмельные вагонные споры:
«Какой будет власть?» – «А какою была?»
В незнание своём молодые упорны,
но также, наверно, как зрелость смела.

И словно в кино иль бульварном романе,
найдётся сотрудник в соседнем купе,
доказывать станет, что власть не обманет
своих, подписавших её документ.

«Откроют архивы... Вы будете лучшим,
все премии вам непременно вручат...»
Ну, кто б рассказал... Позаткнул бы я уши,
но это со мной происходит в тот час.

Вот мы под приглядом. И это не тайна.
Но вытянет ночь непременно ко сну.
Случайностей в жизни, увы, не бывает.
И поезд наш царский уходит ко дну.

Ко дню... мне хотелось сказать. Непременно.
Мы прибыли. Споро пустеет вагон.
Какой же там год у меня в документах?
Мы в век позапрошлый сошли на перрон.

Пожалуй, представь, адмирал ты в отставке
и сослан в деревню, вот в этаку глушь.
Глазеешь на девок, бегущих по травке,
среди мёртвых с живыми порхающих душ.

Наверное, пьёшь. И тяжёло с похмелья
мосток капитанский заставишь возвесть,
в трубу лицезрея: муку грузит мельник,
внучатый племянник встречает рассвет.

Племянник нагрянет, беседой замучит
про старые годы, про царский гешефт.
«Уедет – дворовым задам ещё взбучку:
чего допустили без дела ко мне?»

Ну ладно б из милости впал он
в немилость,
а тут всё и званье – ерётник, пиит.
Опять с разговоров родители снились...»
– Пошли в монастырь, чтоб молились
за них.

И век на берегах доживя маленецких,
прославился всё же в истории сим.
...Ещё – дневники и архив, да на фреске
был профилем схож с тем потомком своим.

Петровское справа, ошуюю – Тригоры:
зимой недалече брести налегке.
А коль о тебе лишь ведут разговоры,
то тянет магнитом на отблеск в окне.

Закончились годы скитаний бесцельных.
Что юношам буйную кровь горячить?
Такую свободу ни в грош мы не ценим
и пробуем в «ссылке» мечтанья влачить.

Умнейшие скажут, что с дядькой да нянькой
чего не пожить так годочек-другой...
Простор! – хоть когда за окошечко взглянешь.
И друг-колокольчик звенит под дугой.

Романтика! Ишь, за столетья разбухла.
Мёд жизни при этом полынью горчит.
И в здешнем зимовье, как в погребѣ – глухо.
К покойнику, что ли, сверчок на печи?

И «Голос Свободы» – к погоде? – не ловит.
Проклятье Гольфстрима мешает нам жить?
Снега брудершафились в братья по крови,
что Соротью в жилках морозно бежит.

А где фонари? Они были тут прежде.
Так ночью, пожалуй, и шею свернёшь.
Здесь праведник сгинет. Но юноша вешний
стихами спасался! – пусть скажут, что ложь.

Совсем не Пушкин наш герой.
O rek Jan ni jupen mesvos.
Trevu ponaz aksos vsanod-s.
До нас всё сказано, поверьте...
Не собирайте скобкой бровь,
не хлопайте пред носом дверью.

Нет ничего страшней сейчас,
столетья нового в начале,
чем быт поэтов (без прикрас),
прозаиков печаттрудатых.

Tss-on gom-zov на себя взглянуть
воочию, не виртуально:
родной, как вале ноше нок,
применачай невзрить венюк
по-с шляя финской стороне
привычтовою мос, но битую
впереться в дом, где имярек
отмой етит, как слав Гер Питер

Европовалы проб сосцы.
Пусть нам простят сравнение это
достопочтенные отцы —
владельцы вотчины поэта.

Во псковском святочном раю
олбанскую хвалу пою,
посля по-русски докумекав,
что премиальная зима
с рекламою салона СПА
в России нынче — радость неграм.

Им трудно рукопись продать.
Ta dor psipoku ron-dur-tman.

«Ты только из Африки? Что там творится?» –
«Нет хлеба в Каире, и грабят музей...»
Зима; и пустыня у Острова – снится,
когда б не звонки беспокойных друзей.

«Ты в Сирии?» – «Нет, но уже собираюсь...» –
«Мы ждём от тебя прямо в номер рассказ». –
– «Там чаще от жажды сейчас умирают.
Лишь солнце снегов оживает в песках». –

«Про нас-то чего говорили? Не ждали
поддержку Каддафи?» Пустой разговор.
Какой-то над всею Землёю начальник
решил, что дружок стал убийца и вор...

Мы вытопчем тропку поутру в аллее,
как будто гостей обещавшихся ждём.
Да где им... Один обанкротился в деле,
а третий спивается – сам, мол, большой.

Поэтому кормим ручную лисицу,
она привыкает, как все мы, к добру.
И счастливы: море зажёгши, синица,
порхая, летит на ладошку к зерну.

Известно, прилипчива тяга к достатку,
огнём революции даже не сжечь.
Вот так же и парни взбирались на танки.
И ангел за ними запрыгивал в печь.

«Бытописание земли»...

Сих слов за партой не заметишь.

Путём, зерном... в итоге – смертью
за них придётся отвечать.

Заброшены могилы предков.

Взойдёт всё торфом и углём.

Герои войн и пятилеток

восстанут пылью по просёлку,

пчелой, оранжевой рекой,

звездой падучей, золотой,

арабским чёрненьким парнишкой,

что песни с танка распевал,

твоею, друг, олбанской книжкой

с инструкцией, как грабить банк.

Стремленье к славе, будь постыдно.
Будь славен труд, и май, и мир.
В Михайловском всё это живо —
живо-тре-мается душой,
скорбящей о себе самой.

В подобной темноте волки воют,
а люди ищут путь домой,
где твёрдо пишет брат Али
бытописание земли...

В пыли дорог устав, нет мочи,
за Волгу плыл... Там *перед ним*
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим...

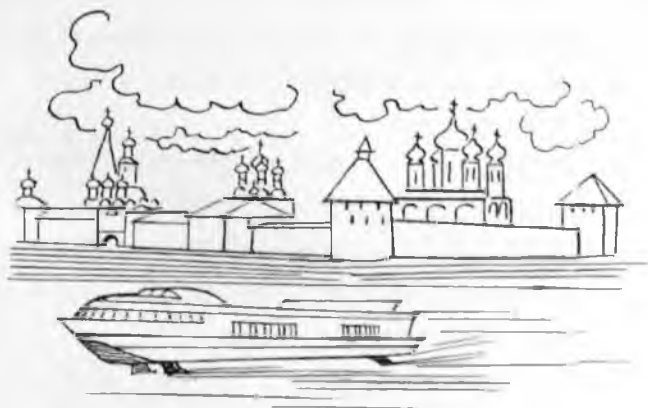
Так было... Но теперь иные
здесь виды – тусклые, больные,
и волны бьют у самых стен
монастыря – предвечный плен.

И я тут был: чрез пень-колоду
валили мы лесов простор,
чтоб реку вывести в затвор,
пустив века веков под воду.

«Кто знал, что вождь наш был неправ?» —
так думал я, к мощам припав.

Герою моего романа
усладно было вспоминать
чернила Керженца в тумане,
и что огромная страна
вдруг просыпалася к работе,
не зная о своей свободе,
и ведая, что счастье есть;
в тумане падших звёзд не счесть.

А ныне нам отец Владимир
про Желтоводский монастырь
поведал явь, как будто сны:
что лики кажутся лишь дымны,
то чернота нисходит с них —
с картинок лет переводных.

Руки пахнут смолой
(задышала в тепле),
на морозе – стекло,
и ему тыща лет,
сквозь него загляжусь
на тот мир, где меня
не заторкать дождю,
не отнять от огня.

Там я сам – весь огонь
и ещё весь вода;
и живётся легко:
весь я вечность пока.

Жизнь и смерть – мы теперь
дышим, смотрим и ждём,
и стораем в костре,
и восходим дождём...

Смотришь, время пришло – загудел самовар,
из трубы уголёк выметая.

Словно топчется по двору русский жираф,
и походка его – неземная.

Нам успеть на него надвинуться бы всласть,
пока солнце до леса катится,
и запомнить, как дымкою грива вилась.
И безделье нам это простится...

Оттого, что подумалось именно так,
я сказать не хочу по-другому.
День вчерашний уводит с собой темнота,
и жираф проплывает вдогонку.

За вечером в сумерках ночь приступила
к обычным беседам за скромным столом:
тут пару стихов... тут из повести длинной
отрывок расскажем... Но дело не в том.

Привычные темы вечерних терзаний.
По дню – рассмеёшься, а ночью всерьёз
фантазии – синтез из правды прощальной
и вдруг возвратившихся юношеских грёз.

«Чего б не жениться?.. Уж время пришло». —
— «С долгами? Кормиться семьёй
по друзьям?» —
«Жизнь любит наивных, куражных
и смелых...» —
— «Прости, не могу так». — «Согласен, нельзя.

Но есть же подмога. Снисходит к нам свыше
подчас вдохновенье... Допреж-то живём!»
— «Ты думаешь, если попросим, услышит?»
— «Зачем сотворило-то нас божество?»

За спором о вере в творение мира,
а также о смысле пределов земных
не слышали — ангел настраивал лиру
для лгущих-живущих-родных.

Зима царит. Её секреты
ленивцу нет силён раскрыть.
Праздно шататься можно в кедах,
а в валенках – какая прять?
А нам в Михайловском неймётся;
мы, тропку верную найдя,
на случай всяк спрося тригорца,
топочем, на весь мир галдя.
Нам чудится: обед в разгаре,
морозный жар румянцехмел.
Чуть успеваем, мы бездарно
плутали в соснах трёх в метель.

Однако окна светом полны...
Но что-то пусто во дворе.
Наверно, на зиму уволены
и дворник, и прислуга... все,
те, кто когда-то здесь встречали
гостей, и свет и стол творя.

День – выходной;
наш взор печален.
Почто же топали мы? Зря?
Но мы с тобой другой закваски,
к окну прильнув, как в банный день,
легко досочиняем сказки
про быт дворянских деревень.
Про барских дев, их две, и обе
у пианино в ряд сидят
и, обмирая в разговоре,
на А. Тургенева глядят.

Они узнали тайну нашу,
что мы пришлёпали с возком,
в котором их любимец – Саша –
бел и студён, как снежный ком.

Кто ведать мог, что провиденье
дарует им свиданья миг?
Последнее стихотворенье
в Тригорском... вымолил кумир:
что вечности предстать прилично
не в тесноте камней столичных,
а за церковным алтарём;
пусть душу высвятят просторы,
где тело высохло в затворе...
Смысл речи дале был мудрён.

Тут подан чай, за ним варенье
«его любимое»... Томит
незнание. Как его убили?..
За что? Кто мог его убить?
О, как мы все его любили...
О, как нам предстоит любить!

*Но поздно. Ветер встал холодный;
то вольный дух его — свободный,
мятущийся — приюта ждёт.
Мчит время задом наперёд;
и за окном слеза словами
перебивается... а нам
стихи, любя, читать на память.
Пусть грустен вечный сей роман.*

В монастырь, где возле под надзором
две зимы, три лета гостевал,
во гробу да в ящике еловом
прибыл. Сдан.

Ждёт земли краюха на погосте.
Да в мороз пробиться не судьба.
И весной похоронить не поздно,
грешен ты иль праведен... Гуд-бай,

своенравный гений. Ты свободен,
позабыв тревоги прежних лет
в той стране, где нет зимы холодной,
славы мира – нет.

Мертвецам предмет заботы малой
вешний круг, печали долгих дум
и тревоги: всё ль стихам внимаем,
воскрешая век, по Пуш-ки-ну?

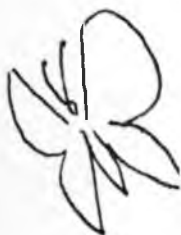
По теньям – счастливым иль печальным –
мудрено до встречи разобрать:
в тех мирах, столь долгожданно чаемых,
над Тригорским славно по утрам?

Нет, это не пройдёт,
покуда нам не спится.
Среди ночей и дён
потомков будут лица,
всё те же словеса
и страсти, и слеза
на смертности весах,
на выпорхе в пейзаж,
растущий на стене
гостям для утешенья;
бывали здесь... и нет
их тени. Но – терпенье!

Ничто здесь не пройдёт.
Самец ласкает самку.
Река срывает лёд.
Дитё всё ищет мамку.
И завидно другим.

И завидно другим,
что не родится смерть
от жарких наших тел,
от наших душ небесных.

Ну кто сказать посмел:
всё минет, и мы смертны?!

Что тебе в этой Сороти?
Река, мил друг, как река.
Осенью тонет в золоте,
а летом – в грязи бока.
С холмов,
с одного хоть с третьего,
взобраться коль хватит ног,
округу вложи в конвертики,
как в детстве в подушки сон,
и разошли их по свету
с Балкан до чухонских скал
или развей их по ветру:
лети, мол, моя тоска;

чихали чтоб други-вороги
с того, что мне не до них;
и, верно, мои тревоги
уже не вмещают дни;
читаю Четьи-миней я,
к земным ли брожу, к святым —
долечиваюсь, виденья
и ночью и днём видны.

Над Тригорским в чаемых мирах
нет того, что в жизни называли
мы любви огнём и сгоряча
воровали явно или тайно.

Всё осталось на тропинках тех:
по аллеям и брегам... И Сороть,
соучастница земных утех,
повторит в восторге платья шорох,

лишь рассвет позолотит восток,
птах ночной искрою приумолкнет.
Голос сердца, обрета простор,
огнен.

Под Тригорским куполом к утру
дымкой лёгкой прошлое очнётся.
Может, что-то вечности придётся
и из нашей жизни по нутру.

Если бессонница мучит, равниной придя
в полнолуние,
значит, разыщешь на полке
два-три занимательных тома
и полистаешь, ранжиром и весом не меря,
то есть читай без разбора,
кто из писателей что нам оставил на память.
Может, под тыщу страниц пробежишь
над стихами, не горбясь,
прозу возьмёшь, под Изборском
вскормлённу,
или Онегиных вновь перечтёшь небывалых,
дюжиной древних коллег
сочинённых для денег, —
славы за это, конечно, народ не прибавит.
Мысли другие при этом...
ах, мысли ночные!
Будут мечты и терзантогоренья о девах...

Но за окном завершает февраль свои будни,
и пробирает нутро от септим его волчьих.
Ты понимаешь в тот миг, что такое безлюдье,
бесчеловечье: пространство, загнавшее
в книгу
судьбы людские тех встречных, мой друг,
поперечных,
что закадычные то ли друзья, то ль враги.

Помнишь Че-киск? Вспомни славные годы
застоя,
Нижнего плен и откоса древесную глушь,
первые деньги, как первую страсть поцелуя,
первую женщину, первые страхи «а вдруг».
Ты напиши нам про худшее,
скальд сладкострунный,
порасскажи, чтоб столетья тягучую вызнали
жуть,
ровень могилы и странненький родины
череп
мы поднимали на палке, не ведая страха
пред ним.
Кто-то запил из него... Здесь его не нашли мы
творений,
но повторили других в назиданье слова:

надо проехать Россию и вольным осесть
в Сахалинске,
чтобы понять, что про не было-быть —
всё пустяк,
даже про высших... поэтов и мир, и потери
в Святой
или Воронежской, в Коми-земле
Сыктывкарской,
в Лисках и Брянске, в Тольятти, в обеих
столицах, —
всюду страны величайшей смиренны
кладбища,
всюду никчемны при жизни, по смерти —
любимы,
а по прошествии вслед поколений настанет
миг, что кормильцами станут ушедшие
в вечность:
всюду накормят они земляков, а с устатку
напоят,
всех приютив в деревеньке своей
на Парнасе,
зла не запомнив из жизни, ну разве
бессонниц-бескормиц,
что заставляли души занавесить зеркало,
если ночами в краю незнакомом не спится.

Уединенье совершенно,
а праздность сходна с торжеством.
Про это ль сказано: «Блаженны
лишь духом нищие в день тот»?

«Блаженны — возлюбив врагов.
Они же вас возненавидят...»
О, как легко мы станем квиты
среди облаков!

Научимся любить любящих
нас, грешных, хоть и проку чуть.
Блаженство ищущий обрящет:
и преклонимся богачу.

Блаженны изгнанные будут.
И не прогнать из сердца боль.
Земная жизнь течёт покуда
добру назло.

Дерзают в терниях поэты
дела душевные познать
блаженных, плачущих и бедных...
и крест... и власть.

Свершилось – мы прожили срок
премиальный.
двух долгих столетий щепу разобрав.
Безлюдный февраль под сосной закемарил,
где с юга оттаяла банька-изба.

Взойдём между горок по трактора следу
к закрытой церквушке, мечте ямщика.
Оглянем заснежье. «Вы б ехали летом», –
советует сторож, наливши чайка.

Он нам про политику шпарит стихами.
«Толстовец, наверно», – подумаю я.
И вдруг пожалею, ведь сердце не камень:
«Ну, как здесь живётся? Не сходишь
с ума?»

«Могилок десяток... Народу живого
лишь в праздник автобус привозит сюда,
а чтобы шальные пешочком – то ново.
Я долго за вами с горы наблюдал...»

О чём-то ещё, да не вспомнится точно...
Нет, это забыть мне позволить нельзя.
«Вы, может быть, молитесь утром иль
к ночи...

Тогда помяните, встренулись не зря».

Конечно, случайного в жизни немало.
Поэтам, монахам то ведать дано,
да, судя по книгам старинным, – менялам
и праздным бродягам, ушедшим на дно.

А мы не тонули и не воспарили,
пока по озёрам и рекам брели
на горы Святые к поэта могиле,
где он, представляли мы, спит без молитв.

И надо ли было о том говорить мне?
Не знаю, приятель... Когда б не стихи...
Мы б просто согрелись монашеским сбитнем,
затеплили свечи, взглянули на скит...

Туда – между гор двух – в сугробах тропинка
не нами протоптана и не для нас;
по-доброму долго смотрели мы в спину,
чтоб, чёрное с белым смешав, вспоминать.

И видели чудо. Оно рукотворно,
возможно, но разве дано угадать?
Прознав о покое и воле, свободно
к ним ангел молиться восходит сюда.

Поедем в Болдино... Холера
политики нам кажет путь.
Вдали Европы и Америк
даст Бог душою отдохнуть.

На Вербное протопят церкву
зимы остаточным углём;
и хватит славы человеку
на каждый дом.

А то, что за окном ненастье –
ины подробности видней:
в Патерике разыщем страсти
Последних дней.

А доживя до Воскресенья,
на сход *огня*
познаем промысел спасенья
тебя, меня

и тех, что мы уже любили
иль предстоит кого любить, —
земные пленники идиллий,
страстей возвышенных рабы.

17-я КАФИЗМА

**Цикл стихотворений
из «Книги скорби»**

Женщина моя отошла ко Господу,
зимнюю реку посуху перейдя.
Не успокоюсь, снова прочтя в Апостоле,
что жена – слава мужа, добродетели –
телу нагу цена – медяк.

Посему жена и теперь спасает мужа?
Палочка-выручалочка, что ли, в раю она?
Словно планетотени вокруг Бога кружат.
Звёздочкой малой ты ли глядишь с окна?

Дал Боже: сорок дней – снега...
и столько же ночей для плача...
и жизнь, чтобы слова слагать,
теперь и впредь – иначе.

Не выживу, горя слегка,
жизнь изблюёт раба Нонова,
чтоб в Ниневию, чуждый град,
явиться и поститься истово.

Чтоб, негодую, постигать –
на что остались живы...

Твердить: «Пока, пока, пока...»

И слышать: «Милый, милый».

Наверно, быть могло иначе?

Ты плачешь, милая? Я – плачу...

СОНЕТ 39-Й, ЗЕРКАЛЬНЫЙ

1.

Сонет тридцать девятый из Неруды
мне рассказал,

что жить совсем нетрудно.

Он с первых строк моим всецело стал.
Там про тебя, как будто ты – чилийка,
и бронзой кожи с местным схожа людом,
и профиль твой – ацтечки словно лик.

Я путаюсь в народностях и датах,
всё потому, что сердце жжёт утрата,
так землю зной бесплодною творит.
Увы, нет рядом нежных рук твоих.
Когда твоей заботой мир не убран,
не приготовлен расцвести поутру,
не вздыбят вены рек судьбы туман,
не вспомнит сердце жизни аромат...

2.

Но помню я, как вымерзшую розу
теплом ты оживила рук своих,
водой живой и мёртвой напоив,
лучом с небес так солнце сходит просто.
Ты не одна, с тобой твоя семейка:
лопата, тяпка, лейка, дружно все
врачуют грядки, чтобы поскорей
цветущей зреть ожившую земельку.

Горжусь, люблю... мозолей не стесняюсь
я рук твоих... Веселой птичьей стаей,
нет, роем пчёл, вся — льнёшь к душе моей.
И чудо: камень сердца охладевший
теплом ладоней, словно жаром внешним,
согрет, поёт, что смерти больше нет.

СОНЕТ 45-Й, ТЕНЕВОЙ

Просил: на день меня не покидай.
День без тебя – длинней, чем вечность,
так ропщет на вокзале бесконечность,
спасенья тень взыскуя в поездах.

Молил: на час меня не оставляй.
Бессонный океан вздымает веки...
Набат страстей озвучен в человеке
слёз водопадом, боль не утоля.

Не дай душе ослепнуть от тоски,
минуты сосчитав, пустынь пески...
Жизнь в суете минует незаметно.
Ты слишком далеко в тот миг ушла.
И потому я ускоряю шаг,
пытаясь рядом быть... теперь посмертно.

Мы теперь с тобою здесь навеки.
Даже дом пусть дети продадут...
От могил не остаются стрехи.
Прах питает яблони в саду.

Знаем, человеческие мерки
пригодятся разве что в аду.
Пусть нас прозовут там «неумехи»,
с радостью мы примем ту хвалу,
с гордостью, — хоть грех, поди, навеки.
Я не знаю. Ты, узнав, скорей
сообщи, чтоб в свой остаток дней
вброд я перешёл желаний реки.
Кроме одного — с тобой в ладу:
вместе быть. Как там тебя найду?

Что за умница, любимая моя!
Успокоилась и смотрит на меня,
словно в облачке слетела, рядом сев,
полюбив во мне и тот, и этот свет.
Я гляжу, не налюбуюсь, ангел мой,
души-странники вернулись домой;
неужели нам не надо больше слов:
Бог – Одно,
оно же, стало быть, – любовь.
Позабудем человечески слова,
но не это вот одно...
...не эти два.

Близкая сердцу моему...
Она опять вдали.
А я шепчу «ля мур», «ля мур»...
тем Господа хвалю
за то, что есть в душе огонь,
что зренья дал кристалл,
что слух всё слышит о благом,
что смысл постиг, простак.
Ещё... за то поклоны бью,
что даровал познать,
как в страсти рушатся на грудь,
губами пьют уста,
что грешен в меру сил своих,
что праведен сверх сил,
и оттого душа болит...
что за ту боль простит
быть может, вовсе не меня —
любимую мою.
Коль дал всё это мне понять
и терпит, что пою.

У Шекспира сказано, казалось,
всё, что мне при жизни не прожить.
Пусть любви и смерти вечно мало,
кто из них в итоге не паршив?

У трибуна тайны только мысли.
У поэта – будущего хлябь.
Даже воздух нынче стал корыстен,
прихотью своей пространство для.

Грустно этак думает любовник,
удаляясь с болью в даль времён,
где двух тел очаг остался огнен,
где залогом – стон рифмует стон.

Отчего, Уильям, грустны песни?
Отчего просторно смерти в них?
Посмотри, как счастлива невеста,
понимая, что в любви родит.

Может, оттого тебя ревную,
что любить не дай мне Бог – иную.

До смешного смертно грустно:
боль тележит на бемоль,
в подполе цветёт капуста,
шубный зверь разводит моль.

Жизнь вновь требует геройства,
бесшабашности... Не мно-
го ль снова выдалось вопросов
о страде поры земной?

Но всё тот же промежуток:
там восход, восход и тут.
Без сомненья, это чудо,
им – с ума меня сведут.

Храм, погост, река в тумане...
Промысел не понимаю.

Ты ко мне ребром вернулась,
свет покинув, глиной став,
эхо от земного гула
я под сердцем слышать стал.

Врач сказал: тахикардия...
Как ему мне объяснить,
что с тобою мы едины,
словно в жизни — ночи, дни.

Ты со мной теперь вздыхаешь,
когда плачу и молюсь
о твоей тропинке к раю;
этим жизнь одним и длю.

...будет как на таможене
покажите сэр ваш чемодан
этот именно кожаный
не волнуйтесь мадам

дела нет нам до ношенных
ярких жизненных тайн
вскроем всё что положено
нам сквозь стенки видать

у Архангела грозного за спиною врата
рядом Пётр из Апостолов или тень от крыла
– пропустите, сердешные, вознесённую –
в рай;

мне ж, убогому, грешному, пусть его
не видать.

Догорая, пригрезится – за тебя умирал...
Сорок дней так...
На креслице твой остался халат.

Приучаюсь понемногу
из пространства ждать тебя.
Пряма-пряменька дорога,
криво-кривенька судьба.

Как на чудо заглядевшись
на денёк, летящий прочь,
веру вижу и надежду,
и любовь – Софии дочь.

Что мудрить? Мудрёней жизни
поищите мудреца.

Что – не прожил, то не понял
от начала до конца.

Пусть ещё терпеть придётся
и пожить – в любви – даст Бог.
Даруй, Ангел, дух мне кроткий
и по смерти – добро.

Я помню, любимая, губы,
что мне улыбались всегда.
Всегда? Ну, а если был груб я?
Меня ты жалела тогда.

То ангел с тобой улыбался.
Я, правда, его не видал,
но мне же дано было мало,
и крылья мне делал Дедал.

Я знаю, признания глупы.
Я знаю, тебя не вернуть,
но дай мне ещё раз пригубить
улыбки твоей новизну:

вот этого счастья земного,
которого было так много.

За два дня бесснежие забыто.
Сретенью Господню путь готов.
Может быть, кому и не событие,
не на Небесах забыть о том.
Сын с дочуркой сами горку топчут,
поднимаясь шустро к облакам
по-над миром, по-над небом. Ночью
без оглядки к прожитым векам
мы ещё с любимой так можем,
только смех не громок наш, а тих;
словно мы обжили бездорожье.
Погляди.

Сретение 2008 года

С первым облачком попутным
письмецо мне напиши,
для тебя совсем нетрудно:
вдох и выдох для души.
Взмах пера – наверно помнишь,
на земле почти что так:
Ангел пёрышко уронит,
и рождается строка,
и бежит, как тень по полю
от небесного письма...
Поле то с тобой пололи,
а теперь одна – сама.
С тех лужков детишек крики
и собачий дружный лай,
с той реки земные лики
улетали к облакам.
Мир вокруг стремился к выси,
мы вращали в землю вкрепь,
а теперь ты легче мысли
и прозрачнее небес –
окрест.

Жить могли бы пятилетку:
подпол полон овощей
всё при деле; даже ветка
рвётся в печь сгореть скорей.

Птица спит, ровняя спелость
на боках плодов земных.
По полям позёмкой белой
прах парит миров иных.

Мы с тобой – ко всем в соседстве
со своим жильём-быльём,
Братьям – братья, сёстрам – сестры.
В разных лишь мирах живём.

Я топчусь, пекусь, сажаю.
Ты – в молитвах – сердце вся.
Память – я... Ты – тропка к раю,
солнце, воздух, суший всяк...

НАМ ПРО ТО ГОВОРИЛ ЛУКА

И опять меня в грусть опрокинет
неприсутствие рядом тебя,
словно в этом я сам повинен,
а не просто деньки летят.
И всего-то на миг расстались.
Вот инет, и мобильник тут.
Я, наверное, слишком старый —
мне твоих не хватает губ,
говорящих о всём на свете —
от Украины до подруг,
глаз твоих и волос, что ветер
рук моих развевает вдруг.
Этих, Боже ж ты мой, словечек,
смеха, шёпота, тишины...
Они помнят про то, что вечны...
Мы... на свете не только сны.

Мы, не тени, не отголоски,
даже если на сутки врозь,
мы как дети наши —
подростки,
нам как в юности —
вновь везёт
жить
и в муках любви нежиться,
звёздной матери на руках,
не войны мы, из мира беженцы...
Не про то ль говорил Лука?
Чтобы грусть не терзала душу
чтобы тело бросало в дрожь
от признания: «Ты мне нужен!»,
от вопроса: «Уже ли ждёшь?»

Две тыщи лет так безнадежно
и так легко на свете жить.
Времён последних льётся нежность,
от горних данная вершин.
А мы по-прежнему беспечны,
жадны, унылы и срамны.
Мы помнить будем это – вечно –
во оправдание вины.
А то, что там про нас не помнят,
поверить можно,
да – нельзя:
есть в сердце странный камень огнен,
и дух в сем горне не иссяк.

Что-то случилось,
если
дышится через раз.
Лёг в календарик крестик –
Господи,

не про нас.
Всё я твержу «за здравие»,
с весеннего чтя листа.
Вот оно – равноправие
вышедших из поста.
Радуюсь, что не вышло
жизни сказать «пока».
Едри твоё дышло,
жизни моей река.
Стой же!

Гони не шибко!
Дай добрести вослед.
Кто-то сочтёт ошибкой,
если меня здесь нет.

■

Бог больше сердца нашего,
с того и больно жить.
Скажи, о чём тут спрашивать
у смертного души?

Фиалки сохнут медленно,
им сорок дней воды
из Леты не отмерено
тобой... Да где тут ты?

Морозы здесь весенние,
капель за полдень, глянь.
Я буду слушать пение
один в печи угля.

Слова попереставлю все,
как мебель в новый дом,
да лишь бы как-нибудь внеся,
а разве смысл в том?

Два солнца будут поутру
(с окна, в шкафу) будить,
в крови вздымая бодрую
волну: «люби, люби».

Прошу – сейчас не спрашивай
с её-моей души, –
Бог, ты же видишь, страшно нам
и очень больно жить.

Будешь ты мне только сниться...

Я приснюсь тебе едва ль.

У теней какие лица?

Дух бесплотен в мир слетал.

Твой ли ангел мне являлся,

чтоб молиться вместе нам?

Слов божественные яства

он ли диктовал во снах?

Все вопросы без ответа.

Непонятна вовсе суть:

если дух врачует беды,

смерть врачует жизни жуть?

Колю дрова – зиме навстречу,
судьбу пытаюсь обмануть.

Забудь меня...

И жаром печным
ласкай тоскующую грудь.

Всю жизнь терзает и морочит,
такое требуя порой,
что впору ставить многоточье,
а обходился – запятой.

И вот, по-хитрому – от печки –
стерпевшись, продолжаю путь.

Бьёт ангел крыльями о плечи.

И проникает свет во тьму.

В огонь – дрова, в огонь – бумага...

Всё-всё подмогою в трудах...

Пока люблю я это благо –

Земного рая суший ад.

Всё? Мне больше тебя не увидеть?

Может, где-то во веки веков
нас представят крылатые тени,
мол, знакомьтесь: такая... такой...

Дождались?.. Удивленья не скрою...

Это ж я — кто за тысячи лет
не изведal ни сна, ни покоя,
тот и этот исследуя свет.

Мне и надо то было немного —
лишь увидеть тебя и узнать,
что ты счастлива... Если у Бога
есть понятие такое для нас.

Или душам даруют иное?

Как меня ты узнала тогда?

— Долго было в разлуке нам больно...

А с тобою та боль мне сладка.

О, эти рюмочки с бухими
пегасами от Air France
будили помыслы благие
совсем не в пьяных – смертных нас.
Вливалось сквозь иллюминатор
пространство – Млечному под стать...
Красивостей совсем не надо,
когда обычна красота:
краснеет под крылом заката
подоблачного широта...
Не оттого ль начнёт казаться,
что жизнь земная – хороша?

Что там, за взлётной полосой,
любимо всё: всех лет чреда,
и семь потов, и пуд мой соли –
не стали болью навсегда!

Подковами усыпан космос...
Однажды где-то в той тиши
было даровано нам свойство
от Господа –
на свете жить!

15 февраля 2017 года

МЕЖА

* * *

Осенний день поёт в полях «Разлуку»...
Тревожа тени прошлого порой.
Скажи, зачем живым такая мука,
что от сомнений в жилах стынет кровь?

Осенний день поёт в полях «Разлуку»...
Летят, спеша, деньки куда-то вдаль...
Иль это нам надёжная порука,
что ничего не минет без следа?!

Осенний день поёт в полях «Разлуку»...
Всё спутает ветров зазывный клич.
Он – эхо... потому про всех забудет.
И смертным всё забыть скорей велит...

Осенний день поёт в полях «Разлуку»...
Ну что нам до него, мой милый друг?
Он отлюбил счастливую минутку,
влюблённых смех ему терзает слух...

Осенний день поёт в полях «Разлуку»...
А нам с тобою в радость листопад:
листок к листку – так пожимаю руку
или слова роняю невпопад...

Слова любви...

Начало октября 2018 года

* * *

Не осень, не зима...
Подать зиме обнову:
полям — кафтан белён,
лесам — гусар мундир,
узором прихотлив...

Красотка (краше нет),
лишь слово только молвив,
вмиг изменила свет,
желанным сделав мир.

А только-то — зима
в свои права вступила;
так молодуха, дверь
на кухню отворив,
с восторгом помня ночь
и думая о милом,
стремится к пирогу,
и ей терпеть невмочь.

Зима – и слов не счесть...
они – как снежна крупка:
мелки и суетны,
и липнуть не хотят.

Дай больше белизны,
чтоб застонал лёд, хрупок,
пусть всё блистает так,
что глаз не оторвать.

* * *

Река, конечно, скоро стронется...
Вовсю цепляясь в берега,
не миновать весенней вольницы,
что воспоёт поэт в стихах.

Не миновать грачей в проталинах,
скворцов, снующих у летка,
весёлой неминуемой тайны,
зовущей – жить...
не умирать.

ВЕСЕННЯЯ КВАРТА

Четыре стихотворения

МАРТ

Выйду... Птицы, двор озвучив,
выкликают песню счастья.
Им не в тягость глада случай.
он бодрит, как миг зачатья.

Время вызвонить вселенной
про задуманное дельце:
встать пред милкой на колено,
воспевая душу, тельце...

Что за чудо! Что за трепет!
Я с ним в главном солидарен:
что седьмого мало неба
устелить пред ней цветами.

Чтобы нежилась и млела —
ночь, как занавес, надвинем;
и все звёзды старый мельник
перемелет в пух перинный.

Надо шаткое пространство
заточить в любви оковы.
Пусть звенит: Весна настала!
Поскорее мир чтоб понял:
не бывает отговорок,
если рвётся в жизнь потомок!

ТОЛЬКО ВЕСНА

Странно в мире... Спокойствие. Будто весна
свет не задела своей огнедышащей трелью.
Тихо, привычно трамваев стучат семена,
сыпясь на стыках... но искры в утробе
не спеют

Спеет равнина, клочками срывая снега.
Зреет река, возбужая рыхлистою ледью.
Птицей на ветке, чей щебет по капле стекал.
Солнцем на взгорке, чей профиль
по-мартовски меден
Мною, тобой и детишками, спящими всласть,
ждушими мира душевного,
лада телесно-земного

Кто это выдумал злую такую напасть

Не замечать:

по весне

нету спасенья иного.

ЖИЗНЬ

Ветер, говоришь...

Дышит

атомом каждым весна.

Щебет — как булка, пышный,

иль игристо-пенна вина.

Облако снегом талым,

серою твердотой

напоминает старый

колодец с чёрной водой.

Землю сравнить...

и не с чем...

Забыто и выглядит как...

а впрочем —

как милая вечером,

кормящая дитя.

Всё – таинство,
понабрякшее
без умысла напоказ,
разломишь
и ешь
так мякишек,
скорее – парной пока.
И нету предела щедрости
особенной в первых днях.
У вёсен беззубы челюсти.
Нет похоти –
жизнь одна!

ВЕСЕННИЙ НЕВЕЖДА

Рассуждать бессмысленно о смерти,
если на дворе теперь весна...
Никакого смысла в междометьях.
В каждом звуке мира новизна.

Никаких ухмылочек печальных,
только ямки щёчек от смешков.
Жизнь на все вопросы отвечает,
как во веки прежние веков.

Отвечает песнею пичуги.
Я такой давно уж не слышал.
В ней тебе — и джаз, и буги-вуги,
и скрипичных дерзости стаккат.

Кто она? Залётная? Родная?
Где берёт для звуков столько нот?
Выпорхнула, видимо, из рая,
немоты не ведая земной.

Научи нас, птаха, жизни внешней,
чтобы верить, петь, любить и сметь
жить на всю катушку...

Слыть невеждой,
по весне
не признающим смерть.

* * *

В трёх вечностях от нежности твоей
бродить в полях земли непроходимой;
познавши то, душе моей больней,
жизнь не сдержать, она проходит мимо.
Вся – промельком, вся – западным лучом,
прощальной негой, памятью остылой.
Чуть помню, что ласкал твоё плечо,
в одной из трёх непроходимо длинных.
В другой, я помню, глаз твоих разрез
восходом пламенел, экстазно млея.
Что о себе я знал зеркал сих без?
О, океан! Волной швырни на мели!
Дай там остаться, вечность постигать,
излучины её в сознание встроая.
Шум времени, как песнь твоя тиха!
Внемли безмолвие! Услышав гимн любовный...
В трех вечно-снах... о женщине поэта.

МЕЛАНХОЛИЯ

Три стихотворения

I.

Когда хочу я думать о тебе,
жизнь обрекает думать о погоде,
о трудностях житейских, о войне,
про измененья подлые в народе.

Я думаю на пафосе: сей край
был островным в памятные веки,
там отцвела любовная игра,
все войны давно сошли на бреги.

Там, где-то за Таманью, был Донецк...
Теперь его бомбят... там гибнут братья.
Я чувствую, что муж я и отец,
но думаю лишь о твоих объятьях.

А в этот час, быть может, Алексей
(он – божий человек в миру безбожном)
сражается за все века расей,
припав плечом на автоматное ложе.

И я боюсь подумать о тебе...

Так ты страшишься этой тьмы кромешной,
что заставляешь и меня робеть
не перед смертью, всяко неизбежной.

Нас спросят дети: что это – любовь
творит такие страхи в человеке?
Ответим ли? Расскажем ли про боль,
которой в жизни каждый не избегнет?

1 июля 2014 года

II.

Монах в молитве. Воин на посту.
«...Всех ревностных служителей бесов
как аспидов попать и василисков».
Единая Европа близко-близко...

Смотри, как она тешится в смертях,
даруя нам свободу продвиженья
по миру... Души праведных летят,
тела оставив правым на мишени.

Сын Слова, что ты требуешь от нас,
от них, от мира — долг, любовь, послушность?
Как можем мы о счастье мечтать,
рожать детей... тела творя и души?

Страшит не суд, известен бес-истец.
Всё обещал... всё, кроме — причаститься.
Банальна жизнь? Смерть примут на кресте
один, другой, успеи запомнить лица.

Все-все они любимы, дороги,
единственны, увы, неповторимы...
Покажется, что помыслы благи...
И бесы-пули-аспи... мимо-мимо...

Пора начать и нам поход крестов...
Взывают дети матери и вдовы,
они встречать (о, Господи!) готовы
Архангела с трубой, посланца Слова.

1–2 июля 2014 года

III. ПИСЬМО В НОВОРОССИЮ

Нам про свободу говорить не надо!
Почти что четверть века сыты ей.
Опять куют винтовки из орала,
и ждёт Россия выпуск новостей...

Что Киеву мы прежде сострадали,
его болотной глупой маете,
теперь нам жаль — плоды того восстанья
для нас восходят тысячью смертей.

Где разум их? Где мудрость у Софии?
Опять прельстила баба на быке!
Спустя года мир о войне увидит фильмы...
Всё будет снова в чуждом далеке.

Далёко от Нью-Йорка и Парижа,
от Хельсинки, Потсдама и Афин
опять славяне бьют славян, тех ближних,
не молятся о ком мулла, раввин.

Помолимся о вставших на защиту
(отвоевали деды и отцы),
за милую, за кровную, за ридну,
вновь вспомнившую слово «геноцид».

Как вы, друзья? Да будете вы живы!
Нам тоже б стать смелее и честней.
Кому черёд просить подмоги Вышней?
С Луганска и Донецка нет вестей...

2 июля 2014 года

ПОСЛЕ «НУЛЯ». НОВОГОДНЕЕ

С.С. Козлова

Предстоят снегопады.
Старый год с ними тихо уйдёт,
без победной рулады
канет в Лету – под лёд.
Президент ухмыльнётся –
мол, жизнь удалась, смотри,
словно плюнет в колодез,
и запишут сие на Ти-Ви.
Я же, взявши лопату,
снежка нагребуся к утру,
и утёрши сопатку,
подумаю, что не умру
ни сегодня, ни завтра, – с чего бы,
коль жизнь удалась
белым, красным и чёрным...
И горькую выпью за власть.

* * *

«Муж с женой, их подруга и я...».
Не бывало банальней начала.
Мысль летит, пишет строчку рука,
а пластинка поёт про чинару.
Это майские фильмы идут.
Это мальчики снова растут...
Иль девчонке какой на беду
для дорожки своей ко кресту.
Дружно в мае сквозь слёзы поют,
вспомнив снова о павших в бою,
про калек и пришедших героев:
«Не ревнуй... – услыжавших, – люблю...»

11 мая 2014 года

В МИХАЙЛОВСКОМ

Наташа

Явились мы прислушаться к ветрилам
над Соротью.

Чего предскажут нам?
Что небеса срифмуют мне о милой?
Что ей шепнёт метель про жениха?
Былого сказки – нам в пути подмога,
но тропку вновь неленостно торим.
У мельницы качни крыла, потрогай,
они вполне подходят для двоих.

Калиточка скрипит,

так снег морозный,
что детский голосок, встречает нас;
поверится, что полюбить не поздно;
покажется: жизнь счастьем полна.

* * *

Опять надо жить и работать,
а хочется только любить.
Отличья мой друг не найти
от страстного – тяглова пота.
Один лишь Господь различит
где песня рождается звонче,
а стало быть нету причин
нас выбором снова морочить.

* * *

Ветер топочет пьяно
и что-то себе поёт,
торкнет туда-обратно,
Стукнет, в сугроб нырнёт.
Там поскорей утих бы,
да нет же – неугомон,
торкается по избам,
выпить бы у кого.
Глыбой нависло, глыбой –
жёны так руки в бок...
Лучше уж сразу дыба,
чем память про ту любовь...
Думаете, что брежу?
Что дурь во хмелю мелю,
и нет никакой надежды,
что стихнет, – настолько лют?
А звёздочки путеводной
подавно не разглядеть...
Какая же тут свобода?
И счастье, скажите, где?

Да вот же оно — с усмешкой
рассматривает меня...
Вся светится от безгрешного,
влекущего к ней огня.
Прижмусь потесней,
чтоб искорки
выскакивали во тьму;
печная та тяга выгонит
на небо
мёрзнуть луну.
Пусть светит:
и ветру пьяному,
и нам!
Ну и пусть, что ночь!
Январских снегов объятия
любowników
крепче
снов.

* * *

«...восторг души и трепет постоянный...
Спеши ко мне, мой милый, мой желанный!..»
Откуда-то ввернула память мне
сии слова наивные, простые,
но складные, сказать хочу – святые,
да, страстным, им туда дороги нет!
Им странствовать со мной тебе навстречу,
им восходить сквозь ревность человечью,
им верности твоей одной желать
и лишь тогда молить о жизни вечной,
мирским предстать, юродивым увечным.
Такой любви узнают ли тела?

Душа? Хотя ревнует только к телу,
она живёт девчонкой неумелой,
о рыцаре мечтая по ночам.
Безумью тела остаётся глина,
восторг словес, желания мечта.
А горний край познать – душе по силам...

* * *

Потому что скворцы прилетели,
умирать можно нам погодить...
Воскресенье на этой неделе
день за днём... Всё весну оно длит.
Пусть сегодня свободой Пальмиры
он отмечен иль смертью посла...
Есть на полке от древнего Рима
сто историй про то ж... и... осла,
про козлищ... а ещё – про Явление:
где-то там, у пустынь на краю
вечно длится одно Воскресенье.
Плачут там... и зовут... и поют...

3 марта 2017 года

МЕЖА

Грачи, смотри, зачем-то прилетели
в последних числах февраля –
на Масленицу что ли, в самом деле,
они спешили. Снежные поля
ещё вокруг. На долгие недели
река, набухнув, бросит враз петлять.
В ней облака, и льдины захотели
бодать друг друга – глупые теля...

Мне видится и слышится равнина,
сбегающая споро под угор.
Капель, журчанье, пенье – заедино
всё длят и длят с зимой извечный спор.

В том гомоне своё досталось место
и мне – молчанья паузу держу,
без человека здесь куда как тесно.
Меж мной и миром чувствую межу.

Она весной особенно заметна.
Её потом затянет зеленыя
сплошной завесой и туманом тлена,
и день не различить тогда от дня.

Зачем они всем этим тварям Божьим?
Для них ли время выдумал Творец?
Я безвременья выбрал бы возможность,
где облака, и льдины, и скворец...

2 марта 2017 года

* * *

Милая, когда друг другу снимся –
где бываем мы? В каких мирах?
Где вдвоём пытаемся укрыться
мы от тел, притихших до утра?
На постелях?
Может быть, в сердцах?

В звёздах ли,
что миг сверкают в бездне
промельком?
Узнать в толпе лица
невозможно...
Помним, как о хлебе,
о телах у жизни на кострах.
Мы у вечности пока незваны гости...
Потому нам вновь домой пора.
Не в обнимку же снесут к погосту.
Да и есть запросит детвора.
Мы вернёмся через то окошко,
что влюблённо пялится в рассвет:
ты вздохнёшь глубоко в теле брошенном,
я откликнусь эхом сладким вслед.

И прижмутся – руки перевившие –
странники ночные во страстях,
видно, здесь они пока не лишние:
тела два – души две: не разнять ...
Рассмеёмся, если вспомнить выдастся
про такие странные два сна,
где при жизни души наши видятся...
днесь и дольше б
не расстаться нам.

24–25 марта 2017 года

* * *

У фонаря, как мошкара,
снегов роит испарина,
и ночи высится гора —
на миг всего подарена:
капелью, сбросившейся с крыш
до самых дрызг, до вмятин
в снегах, до чёрных рытвин шин,
до звёздных в лужах пятен.
А ты одна за сотни вёрст!
Но что сегодня дали те?
Я телеграфом в тело врос
твое — всё — сонно-тайное...
А если там меня найти
тебе судьба не выпадет,
ищи меня тогда в груди —
там стуком сердце выманит!
И рассмотри меня в ночи
у фонаря в испарине,
в капли голос различи —
один я в той компании.

Мильоны звуков в небесах
весной творится каждою,
я тыщу лет пою и сам,
томим любовной жаждою.
Луны глава у фонаря
от первых дней творения...
И в звёздный вклиниваю ряд
стихо-семя-творение...

22 марта 2017 года

РУСАЛОЧКА

Смотри, русалка нежится на бреге
волной случайной вброшенная в мир.
Дивись, сколь страсти в этаким побеге,
сколь смертной муки в помыслах шальных!
Но мне куда милее и потребней
обычных женщин грешные тела,
обласканные взглядом в томной лени,
они сжигают душу мне дотла!
Есть среди них одна, чей жар не адов,
чей взгляд меня в пучину не влечёт,
а благовеет райской негой сада,
надеждой, верой, что в любви не врёт.

11 июня 2016 года

* * *

Ты говоришь, что снег – пушок...
Я говорю: «На мой грешок...»
Мой грех! что в миг тот помню.
Ну, а когда метель ревёт?
Когда к сугробам ветер гнёт?
– К колоколам! И в звоны!

Поразогнать всех прежних лет
тягучую дурную мреть
и целиной морозной
брести шаг в шаг в монастыре
с душою, что ещё во тьме,
к молитве долгой слёзной...

До этого ещё расти.
Здесь возраст жизни не в чести.
Другие здесь критерии.
И потому живём в миру,
укрывшись почти в дыру,
во деревеньку древнюю.

Здесь жили предки лет пятьсот.
Здесь вызывает всё восторг,
когда навоз отчистишь.
Вон храм вознёсся высоко.
Вон лес уводит далеко.
И эху — рад коль — свистнешь!

И пусть весной зовёт земля,
и топчешь пахотой поля
не для прокорма даже!
Вот под смородину прикорм.
Вот для теплицы тачек сто.
Мужик... а труд сей тяжек.

Что там поэт благословил?
Вот этот труд? И тишь могил?
Здесь это всё осталось!

Почти вся жизнь ушла отсель.
Уходит жизнь... Над ней — метель...
И год от году мало
снежка, который как пушок
пойдёт... И вспомним свой грешок:
и ты, и я, и малый...

13 декабря 2016 года

ВОПЛОЩЕНИЕ

Без снега, скажут, что за Рождество!
И правда... Все века по-русски Вечность –
младенчества и снега тождество...
Ударный слог смещён, моя небрежность.

В тех створах вижу восход небес – водой...
И роженица чаёт миг свой млечный.
Нам, человекам, без любви – вредно
жизнь начинать. Будь счастлив, человечек!

Я так же был желаем! Вам – поклон!
И мы с тобой мечтаем лишь о том
двоих счастливом воплощенье нашем.

Их – Троица! Нас – двое! Полон мир.
Он весь раскрыт обнявшимся, двоим!
А снег – вода. Он сам мечтал о пашне!

11 декабря 2015 года

СЕРЕДИНА ЖИЗНИ

— Ещё не поздно? — я спрошу
сквозь тыщу вёрст. —
И я проделал сей маршрут:
болот, берёз.

Мелькали дали за окном —
Сургут, Тобольск.
Всё как-то было не темно,
и не спалось.

Потом заспорил мой сосед
про факела,
И всё искал, где солнце село
и где река;

Курил, забыл совсем про запад,
и спать пошёл.
Я провожал восток глазами:
семь лун взошло.

— Ещё не поздно! — говорю
во тьме с собой. —
И если завтра не умру,
вернусь домой.

* * *

Знаю, часто спасает
поутру колка дров,
сливы цветенье в мае,
звуки со всех дворов,
память о прежде живших,
выщербленная в камнях...
— Да наклонись ты ниже! —
травы зовут меня.
Вглядываюсь, не ропщут,
только по-вдоль снуют —
смысл сотворяя общий,
общую ль песнь поют?
Этой науке трудной
из году в год учусь,
в страхе минуты судной
к счастью земному рвусь.

Если не ты спасаешь...
Тогда зачем ты, грусть?

* * *

Земля становится травой,
вода — светом,
женщиной, мужчиной:
Им хочется понять, зачем живут,
мечтая не умирать никогда.
И все-всё-весь навсегда шепчет,
шепчут
друг другу: «Люблю».

**ДЕСЯТЬ ТЫЩ
ЧЕТЫРЕСТА
СЕМНАДЦАТЬ**

**Несколько стихотворений
из сахалинского цикла**

*«В голове и на бумаге нет ничего,
кроме Сахалина. Умопомешательство
Mania Sachalinosa».*

А. Чехов

●

...Я тыщу вёрст один проехал
сквозь остров весь,
как поселенец-неумеха
с тепла – к зиме;
от южных сопок большевичьих –
могуч конвой! –
до рыбарей наивных вечных
времен сколот...
до поселений древних нивхов
среди болот...
до братьев трёх
и стойких дивчин
Татарских вод.

...То брюхо,
 то хребет
 дорога

скребла с хвоста,
снегов созревшую молоку
гнала звезда.
«Там с неба камбала свисает,
травя зверьё...»
Мне это древнее сказанье
дарил Восток,
чтобы шептал,
припоминая,
как жизнь свою:
– Сахалиноза манию
мне здесь привьют.

ОХОТСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Десять тыщ четыреста семнадцать,
если плюхать полем от Москвы –
города, придуманного айном.
(С этой мыслью свыкнетесь и вы.)

Иначе зачем веками (дурни, что ли?)
предки пёрли в этакую даль?
Торною дорогой-то не стронешь,
дома своего хватает льда.

Рыбой в море выгнулась землица
к северу – с Ростова до Москвы.
Сон один и тот же здесь мне снился:
за звездой отсюда шли волхвы.

Мне до неба – явно не по силам.
Одолеть земли бы тяготу –
той, что называется Россия,
той, что вечно костью всем во рту.

●

Дороженька из Ноглик в Оху –
не первый сорт.
Смиренье, что копил по крохам,
порастрясёт.

По лево-право – марь за марью,
горелки, лес;
и вся вахтовочка кемарит –
один замес.
Я им завидую...
А в небе
пряят над-вдоль

залива Ныйского творенья:
богат восток
хлопчато-тканной пеленою
и бирюзой;
и всё летит само собою
под наш возок,
в котором на узлах и сумках
уснул народ:
кто видит сон,
кто ладит думку —
про «жизнь идёт».

●

...в пучине неоткрытых книг
приюте вечном для скитальцев
бесплатный остров Сахалин
словно в наследство мне достался —
с кедровым стлаником в ногах
и берегах сине-зелёных...
Но небогат и здесь загад
спасеньем от сумы и зоны.

ИРОНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО СОТОВАРИЩУ ЖИТЕЛЮ МОСКВЫ

Век другой, как всем простилося...
По полвека здесь томились
поселенцы, каторжане...
Мы бы вряд ли избежали,
недовольные судьбой,
той же участи с тобой.

...А сегодня всё иначе:
люди просто здесь ищачат –
нефть и газ трубе дают
и не жнут, а лишь куют.

За окном, смотрю, всё то же:
в кабаки к девчонкам вхожи
йна, доллар, реже – рубль;
и у тачек правый руль.
А Москву, как благодать,
тут не видно, не слышать.

Но зато японский берег,
хоть и мал, над всем довлеет,
и китайский не отстал
от народов без креста.

Всё же, друг, кроме икорки,
медвежатинки, кеты,
есть ещё для лыж здесь горки,
то есть сопки да хребты.

Не хватает лишь народу:
повывётрился народ
с ельцин пор по этот год —
без дорог,
которых сроду
не видали на Руси...
Стало грустно, так прости.

Увидав, подумал, грешный,
путь проделав свой неспешный
с Сахалинска до Охи:
были бы в Кремле лихи
люди,
смелости набравшись,
позабыли б день вчерашний
и назначили б они
нам столицей — Сахалинск.
А чего, скажи на милость,
всем в Московии томиться?

В новых землях всё простится...

МЕДВЕЖЬЯ РЕКА

Вода ушла под плавники,
под камни,
трущиеся брюшья,
под плодоносные пески,
став вязкой жидкостью горючей.
Так нагревается река
от прущей друг по другу рыбы.
Так яхты мира ждут регат,
и паруса от нервов – дыбом.
Шипенье пенящихся тел,
влечение к таинству горбылью...
Начало, жаль, я проглядел...
но не медведи... те – здесь были.
Они врывались поперёк,
движение
жизни –
не помеха,
трепало их как стебелёк,
и выдох рыб бежал по меху.

Вгрызались,
жадничать не смев,
в оран-
-живую
вечность,
в тягу
к рождению,
в звёздную купель
вторгаясь,
в чешуи изнанку.

И понял я: у них в горбах
бьёт плавниками,
трётся
 молодь.

Не слышит этого рыбак,
не видит,
жизни новой полон.

А берег цвёл от медвежат
и каждым камушком дрожал.

САХАЛИНСКИЙ ЗАЛИВ

...Двух нивхов – зрителей моря, сетей
и рыбы, входящей в окружье хмельное,
я долго смотрел... и тогда по воде
мой разум ушёл, как медведь, на зимовье.

Что толку в ту даль по полжизни глядеть,
коль даже без женщины столько не выжить?
А может, они, пробежав по воде,
смекают, что в говоре рыбьем им слышно.

Куда мне понять... Они тысячи лет
вбирали в себя эту тайну морскую.
Хоть сладостно выюги поют по зиме,
но в жисть не понять эту рыбу немую.

ДУЭ

...Здесь только мёртвые сказанья
кладут тебе на плечи длани.
И света нет — как бы в ночи.

Милиция, магазин, почта
соседствуют давно и прочно,
в одном ютятся уголке.
Мы торкались во все ворота,
но миру не были угодны
поэты, пьющие в ларьке.

Не потому ль мы посетили
музей: почти что про Бастилью,
в которой тож жилось не всласть...
Как Чехов топал по болотам —
нам рассказали; в рот свобода
ливня лепила, но без зла.
Мы отражалась в каждой капле:
штормило, шли от тройки братьев
через тоннель, что дури стяг,
до дев радёшеньких; вид странен
на фоне их маравших глянец
в отливной грязище растяп.

Франк-русский выпранный стилиста
не пил, а лишь смотрел на флягу –
ту, из которой нам лило
в то горло, где слова не вхожи;
он, как и мы, до мест сих дожил,
и по углю прошёл мелок.

Мой, твой, его... Нам нет ответа.
Мы все на фоне скал – скелеты
доисторических эпох.
Вот раковина гнёт наружу.
И кто из нас в сём мире нужен?
Тут я ответил, видит Бог.

Сахалин, сентябрь 2010 года

Москва, июнь 2011 года

РОВЕСНИКИ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ АВГУСТА

Памяти М.И. Цветаевой

«Утратить прошлое страшней,

*чем умереть...»**

О философия!.. Смысл фразы сей двояк
в отсутствии *героя*. Мы во тьме...

С ним ищем день и час, и жизни знак,
напоминающий значение жеста, взгляд
её —

потерянной,

забытой на войне.

О буре сей здесь только говорят.

Здесь прошлое — поленьями в огне.

* В воспоминаниях о последнем дне жизни (31 августа 1941 года) М.И. Цветаевой есть её слова: «Важно, чтобы рядом был кто-то старше вас — или тот, с кем вы вместе росли, с кем связывают общие воспоминания. Когда теряешь таких людей, уже некому сказать: «А помнишь?...» Это всё равно, что утратить своё прошлое — ещё страшнее, чем умереть».

Сказала женщина-мать-мужнина жена:
«Всё – настоящее!»

Ей вечность не страшна.

Ей крюк... – последний собеседник,
которому – про счастье: *Мать жива,*
вскормившая и знавшая слова:

«А помнишь?..»

Где же,

где же ты – ровесник?

31 января 2016 года

СКАЗИТЕЛЬ

Под мелким дождичком
у стенки Усть-Рогатки
Пыхтит из вечности
буксирный пароход...

Е. Л. Войскунский, «Балтийская сага»*

«В казарме на острове Котлин

дождится тоска,
по-глупому лезут от сономеханика бредни,
Из школьного прошлого катит киношку
во снах,
шутник и, как водится, даже, конечно,
охальник.

Храпит мой соседущка...

Это снаружи – война.
Блокада... А в сердце – мечты глубина
и длина...

Измерить её мне как штурману –
вовсе не трудно.
Так ввек не избыть все подробности
щедрости людной...»

* Войскунский Евгений Львович (09.04.1922, Баку – 03.07.2020, Москва) — прозаик, писатель-фантаст, автор книг для юношества. Участник Великой Отечественной войны. В XXI веке мы дружили. Я сделал несколько интервью с Е.Л. для различных изданий. Его романы этой поры посвящены теме войны и послевоенной жизни.

Читатель, расспросами мучай
про «клёцки в супу»,
про Мишу и Женю на «Сталине»,
спасшихся чудом.

Читатель, ты жив? Ты нашёл в этой книге
судьбу
страны, иль тебя не о том время требует
думать?

Тогда прогуляйся по улицам тихим
Кронштадта,
твердя между строк: гавань Средняя,
гавань Лесная,
Купеческая, Каботажна... строги и парадны.
Лёд тает, готовится флот, и в соборе изрядно
молитвы апостоле Первозванне возносятся,
славя...

Читаю, пишу, вспоминаю,
как встретились мы —
Войсунский — фантаст и Лукин —
журналистопит...

Коньяк нам и чай убавляют всеилые тьмы?
На пользу душе, вы поверьте, хороший
напиток.

Войсунский смеётся. Дописана сага его.
Полвека любви окрыляют примером поэта,

запомнил ровесник из юности шибче всего
Плеск звёздных морей и земную из рыбы
котлету,
и женское счастье, когда возвращался домой
из дальних ли странствий иль просто
поездки за город,
особенно, если все новости полны войной...
И рвутся в Поэмы и в Оды свершения
смертных.
Но старец – мудрейший Войскунский –
шепнёт по секрету,
что тонущий «Сталин» включён уже
в ангельский флот,
ждёт Пётр долгожданной разгрузки
у пристани вечной,
что всё – впереди... будем живы...
что мир дерзко молод
и в новом столетье, как в прошлом,
наивно беспечен.
Так выпьем, заздравная чаша продолжит
пусть речи...
Под дождичек мелкий у стенки пыхтит
пароход...

Октябрь – ноябрь 2018 года

* * *

Жизни плод бывает тоже поздним...
Точно в цвет тропинок октября
ландыша оранжевые гроздья
с близкою зимою примирят
лес сосновый, ложные опята –
цвет у шляпок вытемнил мороз –
меж багрянца лиственного спрятав
муравьёв, лягушек и стрекоз.
Поброжу леском ещё до хлада,
до снегов... последние деньки...
Вспаханных полей вдохнув отраду,
будущего радость вижу в них.

Стоги сена, словно великаны
высятся в предутреннем тумане.

27 сентября 2018 года, Яхонты

* * *

Как будто не было Сенеки,
и письма те писал другой.
И сын, прочтя, звонит с дороги –
он восхищён: О, Боже мой!
Зачем, скажи, мы повторяем
из века прожитое вновь?
Всё было... Пусть совсем не с нами.
Без телефонов и компов.
Я знаю душ и тел брожение.
Он знает тоже... Знал и тот,
что силы тратил пред сраженьем
с самим собой, самим собой.
Мы многое понять не сможем,
да и желающих теперь
совсем немного...
Книг немного...
Советчиков-инет – гурьбой.
О сын и дочь, вам жить в столетье,
в котором грамота совсем
исчезнет, и стихотворений
читать не будут перед сном.

Но если кто-то неумело
попробует слова скрести
по стенке ногтем... О Луцилий,
ты вновь родился, писем ждёшь
и пишешь их спустя два века
опять Сенеке... вопреки
желаньям и привычкам, может;
за-ради чтения, поди.
Пусть чтец слога чуть разбирает
и прозревает, разобрав иные смыслы...
Слышишь, каплет мгновенье
по минуте в тень.

И день короче, ночь длиннее,
и вечность манит, чтоб её...
Кипрей отцвёл. Репейник шаром
уже прилипнуть к ней готов.
Вот и ответ тебе, Сенека...
Как в типографии набор
рассыпаны семян сомненья
и эхо писем меж имён.
Лу... Кинь тот камешек ловчее.
Цинь... Скачет он песков и вод
по волнам. Ли... лиловый ливень.

Грибницы в рост. И грибники.
Туман и жар. И разговоры
сквозь сонный бред:
то, променявшие объятья,
два человека
топчут землю
часу в шестом...
Томленье, прочь!

Сенеки речь услышь, Луцилий,
бессмертного: ты –
не один...

есть люди в веке двадцать первом,
и тайны непрочтённых книг...

Июнь-декабрь 2018 года, Архангельское

* * *

Яблоня выросла прямо у дома,
просто сама по себе.

Сразу я этого даже не понял.
Мало ль росточков в земле?

Только однажды листва поредела,
чудо сквозь ветки явив,
из голубого с вкраплением белого
яблоки звали: «Сорви...»

Дни словно ходики тикали споро.
Яблоки зрели мои.
И накануне начала морозов
снова я вспомнил про них.

Нету в природе явлений случайных,
каждому зверю свой плод.
Дружно на яблоне, ветки качая,
птичий резвился народ.

Мне же досталось по две половинки
прежде румяных чудес,
я их сложил по примете старинной
про женихов и невест.

Каждому горю сопутствует счастье;
только о том вспомним мы,
глядя, как райское древо качают
ангелы света и тьмы.

24.03.2019, Лембю

САД ЗЕМНОЙ

Венок сонетов

«Дорогой Б., я теперь поняла,
поэту нужна красавица,
т.е. без конца воспеваемое
и никогда не сказуемое...»

Из письма

ВОРОЖЕЯ Magistralis

*Ты ворожишь над горсткою семян.
Вчера над огурцами, нынче – тыквы.
Вот наше золото-серебро в избытке.
Зачем здесь я?.. Ты позвала меня...*

*Ты позвала – все побоку дела.
Земля узреет пахаря попозже.
Твой голос показался мне тревожным:
то семена родились мал мала.*

*На руки глядя, становлюсь зерном...
Инопланетный в облике земном.
Какая воля здесь дала нам время?*

*На что оно? Ты думаешь о нём,
когда в объятьях вся горюшь огнём
и отбираешь для Вселенной семя?*

НОВЫЙ ДЕНЬ

*Ты ворожишь над горсткою семян,
как астроном, Вселенную сквозь пальцы
перебирая: «Кто здесь безымян?
Давно пора нам с вами разобраться...»*

Вот это – камень инопланетян,
что прогремел над морем Баренца...
Найди в горсти и, вырвав у Penates*,
из первородного, быть может, таинства,

с любовью приложи его к земле,
дай обрести покой ему в семье,
в которой сложат о скитальце мифы.

Очнувшееся семя даст плоды,
лишь только неустанно бейся ты:
вчера над огурцами, нынче – тыквы.

* Penates – у древних римлян: боги-хранители домашнего огня.

ЕДИНЕНИЕ

*Вчера над огурцами, нынче – тыквы...
Так просто всё под солнцем на земле.
Мы к этой простоте давно привыкли:
чернеет уголь и белеет мел.*

Рассматривал я уголь у обрыва:
многометровый пласт миллионы лет
в себя вбирал, будто Иону Рыба,
всё то, что наполняло белый свет.

Все-все цвета, и голоса, и броскость
слились в веков береговую плоскость
в единственной дарованной попытке.

В садах земных, как на картине Босха,
кружатся наслаждений отголоски...
Вот наше злато-серебро в избытке?

ПОЛДЕНЬ

Вот наше золото-серебро в избытке.

Порадуемся, сидя у огня,
что как бы чудо ни казалось зыбким,
но вот оно — могу его обнять.

И даже если б стали безъязыки,
на немоту не стали бы пенять.
Бах — глух, но дело вовсе не в музыке...
А будет ли кому тебя понять?!

Для них и разольётся в колокольцах,
в серебряных и золотых их донцах,
бессмертная молекул беготня.

Умаявшись, притихну у оконца,
отвечу, сам спросив (в зените солнце):
«Зачем здесь я?.. Ты позвала меня».

VIVAT!

Зачем здесь я?.. Ты позвала меня.

О Муза, кто есть ты и кто есть я?

Когда ты здесь, то мы с тобой родня.

Трудна у нас в тот редкий миг стезя.

Мне всё дано, но силы дай познать.

(Тут мыслить нам нельзя полушутя.)

Я слышу, что допрежь мне не слышать,

и чувствую, тебя благодаря.

Слова, вы чьи? Спасибо вам, слова;

хотя порою путь до вас кровав!

О муза! Лучше в мире нет посла.

Вверяешь грамоту? Кричу Vivat!

явлению счастлив твоему стократ:

ты позвала — все побоку дела.

ВЗДОРНИЕ

Ты позвала... Все побоку дела.
Отдамся весь... Да будем же серьёзны.
Я честен пред собою – исполна
дарована нам встреча, но не поздно.

Один, другой раскроется талант –
есть в женской суете немало пользы,
хотя частенько всё это не в лад,
но лучше так, чем одиночеств козни.

Постом Великим друг уйдёт в затвор.
Век умер тот, что звал его Victor.
Сегодня молим с ним: «Помилуй, Боже...»

А думаем: «Рассаду помидоров
пора бы высадить...» О, жизни вздор...
Земля узреет пахаря попозже.

ШУТНИКИ

Земля узреет пахаря попозже.

Снега ещё владыкою всему.

Лишь изредка зимопроводец дождик,
смеясь, напоминает про весну.

Зима – известный каждому художник,
но реалистка, ей претит абсурд:
весенних суток жаркие дебоши,
и почек треск, и птичий пересуд.

Абсурда я другого не сторонник,
не сможет ни квадрат, ни треугольник
нам заменить обычные калоши.

К тебе спешу я босиком сегодня:

«Эх ты, поэт... Опять не по погоде...»

Твой голос покажется мне тревожным.

ЗРЕНИЕ

Твой голос показался мне тревожным...

Окликну... и, ответ не получив,
к тебе стремлюсь, да это и несложно –
сбежать под горку в зелени лучи.

К тебе стремлюсь, мгновенья мною прожиты,
чтобы любимой счастье защитить;
фантазии – мурашками по коже:
вдруг не успею, как же дальше жить?

Расстроена, улыбки нет всегдашней.
На выдохе: «Случилось что, Наташа?
Зачем меня с тревогою звала?»

Испугана... «Я думала...» – неважным
теперь покажется... и тихо скажет,
что семена родились мат мата.

ПЛОД

Что семена родились мал мала,

Адам в тоске сказал сегодня Еве.

– Такие, понимаешь ли, дела...

Ну что мы в праздник отнесём к обедне?

И яблоня нам листья лишь дала...

А помнишь те плоды на Райском древе?

О, время од и чувственных баллад!

– Ты уклонился, милый мой, от темы.

А к алтарю мы приведём детей –

итоги грешные земных затей;

пусть все мы будем в рубище дрянном.

– Да будет так до истонченья дней!

Внемлите! – небеса явили гнев.

...На руки глядя, становлюсь зерном.

ДУША

*На руки глядя, становлюсь зерном...
Ввергаясь в ловушку смертной плоти,
всё думаю о доме и родном
погосте, что при храме и болоте.*

Камень там от царствия иного,
когда в двенадцатие народы,
наплывом ледников торя дороги
за-ради братства, равенства, свободы,

Москву спалив, удобрили и поле
российское неугомонной плотью...
Но Третий Рим не взял Наполеон.

Душа (спаслась тогда в телесной боли) –
владыка жизни, ангел и невольник
инопланетный в облике земном.

ПИИТ

*Инопланетный в облике земном,
поэт живёт отмеренный свой срок,
порой не различая явь и сон,
полжизни оставляя между строк.*

О счастье размечтавшись, мыслит: дом –
очаг семейный; тридцать лет не мог.
И в Болдине все мысли об одном:
«Когда же буду я у Ваших ног?»

Cholera morbus* – милая особа...
Ей – карантины и телега с гробом
уж поданы, и лошади не терпят...

Судьба насмешлива... Смотрите в оба
и вникните, не ошибиться чтобы –
какая воля здесь дала нам время.

* Cholera morbus – шутка А.С. Пушкина в письме по поводу выставленных карантинных по дороге в Москву.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

*Какая воля здесь дала нам время
успеть понять всю тщетность бытия?
Рожденья искру вновь дарует кремень,
на свет выводит через тьму, бурьян.*

Но кто спросил, что голос мой *internus**
соделает, в две дырочки пыхтя?
Любуясь, подумали, наверно:
«Какое это милое дитя!»

Ему ещё помыкаться по свету
столетие придётся без ответу
философичных в поиске тенёт

про формы бытия... И незаметно
придёшь в тупик: разумно только *veto*!
На что оно? Ты думаешь о нём?

* *Internus* — внутренний (с латыни).

ПРОЧЬ, ВРЕМЯ

*На что оно? Ты думаешь о нём?
Когда бы в мире не было зеркал,
глотающих по-змеинному, живьём,
кто бы мгновенья в вечности считал?*

Песчинки Лета смешивает вновь;
но я предпочитаю чернозём
(течёт его запёкшаяся кровь),
под плугом будет он перерождён.

Отчёт морщин о смертном беглеце...
Иным ли чем о времени мы рцем?
Всем прожитым ответ наш сочинён.

Ты думала ли в девах о вдовце?
Чту времени безвластье на лице,
когда в объятьях вся горишь огнём.

ЭХО

«Когда в объятьях вся горишь огнём...»

Что после этих слов ещё сказать,
чтобы потом не мучиться виной
и без стыда взглянуть в твои глаза?

Оставив лёгкость, будем в остальном
чувствительны; взойдя под образа,
нам здесь уже не думать о своём
и не бояться к счастью опоздать.

Илья в дождях принёс с собою гром
из райских мест, невиданных хором,
Вселенной эхо, может быть, соседней.

И значит, очень близок час шестой...
Ты взглянешь: у ковчега снова Ной;
и отбираешь для Вселенной семя...

ПРОМЕТЕЙ РАСКОВАННЫЙ

*И отбираешь для Вселенной семя
по полноте, по крутости бочков,
земною плотью обретая зренье,
обыденного выйдя из оков.*

Выводят нас так ангелы рожденья
прочь из темницы призрачных веков,
смятенье даруя, но прежде – зренье
и счастье – мыслью плыть среди облаков.

Кто выбирает поднебесий тропы,
заоблачны в полыни огороды?
Беспечный я – глухой, слепой бедняк.

Молитве ангел внял, взял на поруки:
пока твержу молитвенные звуки,
ты ворожишь над горсткою семян.

Лемью – Архангельское, 2019 год

КАК В ПЕСНЕ

Как в песне — здесь снега по пояс...
А Вычегда во льду.

Покуда дятел «пишет повесть»,
рыбачьей тропочкой иду
за окуньками, лов подлёдный
из года в год (да хоть кому),
потешный промысел народный —
отдушина житейских дум,
печалей городских, привычных —
с которых разве что запить...
или занесть по электричкам:
душа, не спи!

Пусть тело, привалясь к окошку,
хранит тебя до лучших дней;
потом накормят, словно кошек,
двух нищих храма у дверей.

Душе без тела бы уютней,
но столько нянчилась с ним,
так трудно приучала к будням,
и людям... что его винить.

Оно взбодрится на морозце
И, сотню грамм приняв на грудь,
природой даренную прозу
читать продолжит вновь: про труд,
про воспитание и совесть,
про долг и честь, и даже смерть,
про снег, что вечно здесь по пояс...
Тропу бы протоптать успеть
до родничка под самым взгорьем,
чтобы старушка или дитё
живой воды набрали вскоре.
И пусть как в песне: жизнь идёт...

Лемью, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОН ВРЕМЕНИ.....	4
------------------	---

ГАННИБАЛ

Поэма

Поэма... что за блажь	8
ВИДОК.....	10
АРАПОВИЧ	12
СВЕРЧОК	14
ВСАДНИК МЕДНЫЙ	16
ЗАПОВЕДНИК.....	18
МАЛЬЧИК АЛИ.....	20
ТОСКА	22
ПОСЛЕДОВАНИЕ.....	24
ОПЯТЬ ЭКЛОГА.....	25
ЭХО.....	26
МИРАЖ	28
В ТОЙ СТРАНЕ.....	32
И ФАУНА, И ФЛОРА.....	34
ВЫБРАННЫЕ МЕСТА	36
В МИРАХХ	38
ПАМЯТНИК.....	39
ПРОРОК.....	42
АНГЕЛ	44
ТЕОРИЯ РАВНОВЕСИЯ.....	47

17-я КАФИЗМА

Цикл стихотворений из «Книги скорби»

Женщина моя отошла ко Господу.....	50
Дал Боже: сорок дней – снега	51
СОНЕТ 39-Й, ЗЕРКАЛЬНЫЙЙ	52
СОНЕТ 45-Й, ТЕНЕВОЙ	54
Мы теперь с тобою здесь навеки.....	55
Что за умница любимая моя.....	56
Близкая сердцу моему	57
У Шекспира сказано, казалось.....	58
До смешного смертно грустно.....	59
Ты ко мне ребром вернулась	60
...будет как на таможне	61
Приучаюсь понемногу.....	62
Я помню, любимая, губы.....	63
За два дня бесснежие забыто	64
С первым облачком попутным.....	65
Жить могли бы пятилетку	66
НАМ ПРО ТО ГОВОРИЛ ЛУКА	67
Две тыщи лет так безнадежно	69
Что-то случилось, если.....	70
Бог больше сердца нашего	71
Будешь ты мне только снится.....	73
Колю дрова – зиме навстречу	74
Всё? Мне больше тебя не увидеть?	75
О, эти рюмочки с бухими	76

МЕЖА

Осенний день поёт в полях «Разлуку».....	78
Не осень, не зима	80
Река, конечно, скоро стронется.....	82

ВЕСЕННЯЯ КВАРТА

Четыре стихотворения

МАРТ	83
ТОЛЬКО ВЕСНА	84
ЖИЗНЬ.....	85
ВЕСЕННИЙ НЕВЕЖДА	86

В трёх вечностях от нежности твоей	88
--	----

МЕЛАНХОЛИЯ

Три стихотворения

Когда хочу я думать о тебе	89
Монах в молитве. Воин на посту.....	90
Письмо в Новороссию	91

ПОСЛЕ «НУЛЯ». НОВОГОДНЕЕ.....	94
«Муж с женой их подруга и я...»	95
В МИХАЙЛОВСКОМ.....	96
Опять надо жить и работать.....	97
Ветер топочет пьяно	98
«...восторг души и трепет постоянный...» ..	100

Потому что скворцы прилетели.....	101
МЕЖА	102
Милая, когда друг другу снимся.....	104
У фонаря как мошкara.....	106
СКАЗАНО.....	108
РУСАЛОЧКА.....	109
Ты говоришь, что снег – пушок	110
ВОПЛОЩЕНИЕ.....	112
СЕРЕДИНА ЖИЗНИ	113
Знаю, часто спасает.....	114
Земля становится травой.....	115

ДЕСЯТЬ ТЫЩ ЧЕТЫРЕСТА СЕМНАДЦАТЬ

Несколько стихотворений из сахалинского цикла

Я тыщу вёрст один проехал... ..	118
ОХОТСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.....	119
Дороженька из Ноглик в Оху.....	120
...в пучине неоткрытых книг	121
ИРОНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО СОТОВАРИЦУ, ЖИТЕЛЮ МОСКВЫ	122
МЕДВЕЖЬЯ РЕКА	124
САХАЛИНСКИЙ ЗАЛИВ.....	126
ДУЭ	127

РОВЕСНИКИ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ АВГУСТА	130
СКАЗИТЕЛЬ.....	132
Жизни плод бывает тоже поздним	135
Как будто не было Сенеки.....	136
Яблоня выросла прямо у дома	139

САД ЗЕМНОЙ

Венок сонетов

ВОРОЖЕЯ	143
НОВЫЙ ДЕНЬ	144
ЕДИНЕНИЕ	145
ПОЛДЕНЬ	146
VIVAT!	147
ВЗДОРИЕ	148
ШУТНИКИ	149
ЗРЕНИЕ	150
ПЛОД	151
ДУША	152
ПИИТ	153
ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС	154
ПРОЧЬ, ВРЕМЯ	155
ЭХО	156
ПРОМЕТЕЙ РАСКОВАННЫЙ	157
КАК В ПЕСНЕ	158

КНИГИ БОРИСА ЛУКИНА

- 1995 – «Понятие о прямом пути»: стихотворения. Книга первая. – Вологда.
- 2007 – «Междуречье»: венок сонетов. Книга третья. – Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век».
- 2008 – «Долгота времени». Книга вторая. – Москва, «Нонпарел».
- 2008 – «Воздаяние»: три поэмы. – Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век».
- 2010 – «Поединок»: гражданская лирика. Книга пятая, ч. 1. – Москва, «Советский писатель».
- 2012 – «LeLь»: любовная лирика. Книга пятая, ч. 2. – Москва, Издательство журнала «Юность».
- 2019 – «Обитель. Очерки из истории Крыпецкого монастыря». – Псков, Издательство Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого монастыря.
- 2019 – «Чернец», поэма. – Псков: «Издательство Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого монастыря».
- 2019 – «Сад земной», венок сонетов. Книга восьмая. – Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век».
- 2019 – «Жить-нам-поживать»: книга перевод из композиции поэзии. – Сыктывкар: Союз писателей Республики Коми; Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век».
- 2019 – «Олонхо на два голоса»: книга перевод из якутской поэзии. – Якутск, Академия духовности республики Саха (Якутия).

БОРИС ИВАНОВИЧ ЛУКИН – ПОЭТ, КРИТИК И ПЕРЕВОДЧИК. РОДИЛСЯ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ. ОТУЧНИВШИСЬ В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО, В БУРНЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ РАСТИЛ ДЕТЕЙ, РАБОТАЛ СТОРОЖЕМ ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ПРОДАВЦОМ, ЖУРНАЛИСТОМ И РЕДАКТОРОМ В МОСКОВСКИХ МНОГОТИРАЖКАХ.

В НОВОМ ВЕКЕ РЕДАКТОРСТВОВАЛ В ОТДЕЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ», СЖИВАЛСЯ С ДОЛЖНОСТЬЮ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ МХАТ ИМ. М. ГОРЬКОГО.

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОСТОЯННО ПУБЛИКУЮТСЯ В РОССИЙСКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ. НА

МНОГИЕ ЯЗЫКИ МИРА ПЕРЕВЕДЕНЫ СТИХИ ИЗ КНИГ «ПОНЯТИЕ

О ПРЯМОМ ПУТИ» (1995), «МЕЖДУ-РЕЧЬЕ» (2007), «ДОЛГОТА ВРЕМЕНИ» (2008), «ПОЕДИНОК» (2010), «LEIL» (2012).

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ ПЯТИТОМНОЙ АНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИИ «НАШЕ ВРЕМЯ»

И МНОГОТОМНОЙ АНТОЛОГИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ «ВОЙНА И МИР».

ЛАУРЕАТ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ РОССИИ.

ЖИВЕТ С СЕМЬЕЙ В ПОДМОСКОВНОМ СЕЛЕ АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

ЕГО СТИХАМ ПРИСУЩИ НЕОБЫЧНЫЕ ФАНТАСМАГОРИЙНЫЕ СЮЖЕТЫ, ЯРКОСТЬ МЕТАФОР, НЕОЖИДАННОСТЬ СРАВНЕНИЙ.

А ОБРАЗУ ЖИЗНИ – ПОДВИЖНИЧЕСТВО.